

*Несколько слов в защиту «Сонечки»:
лекция Н.А. Лухмановой
«Проституция и отношение к ней общества»*

Татьяна Левицкая

Лекция «Проституция...»

Надежда Александровна Лухманова (1841–1907) обрела читательское признание и популярность после публикации на страницах «Русского богатства» повести «Двадцать лет назад. Воспоминания из институтской жизни» (1893). Этой книге суждено было стать самым успешным и переиздаваемым трудом писательницы, поэтому современному читателю Лухманова (если он знаком с этим именем) представляется «бледной тенью» Л.А. Чарской – всего лишь менее популярная «бытописательница институтской жизни». ¹ Остальные работы Лухмановой выпали из литературной памяти – изредка вспоминается ее книга о Сибири («В глухих местах», 1895) и поездка на русско-японскую войну в качестве военного корреспондента.

Писательница отличалась неутомимой творческой энергией: она создала множество рассказов и повестей, выпустила настольную книгу «Спутник женщины» (1898), опубликовала сборники публицистики («Черты общественной жизни», 1898; «Вопросы и запросы жизни», 1904), издавала журнал «Возрождение» (1899–1900 гг.), выступала с публичными лекциями, была ведущим корреспондентом различных изданий («Биржевые ведомости», «Петербургская газета», «Санкт-Петербургские ведомости», «Южный край» и др.). Критики не щадили Лухманову, без усталости упрекая в том, что она занимается несвойственным женщине делом, когда поучает с трибун, вступает в полемики по вопросам политики и религии, а тем более шлет корреспонденцию с театра военных действий.

О проблеме проституции Лухманова писала неоднократно. ² В 1903 г., собрав воедино разрозненные по различным сборникам и газетам материалы, писательница решилась выступить с лекцией от имени «женщины общества». ³ Манифестация сексуальности во все времена разводила женщин по разные стороны баррикад: «“Правильная” женская сексуальность – это

сексуальность, заключенная в рамки брака и направленная на выполнение репродуктивной функции, оппозицией по отношению к ней является сексуальность проститутки, сопрягаемая с <...> социальными болезнями». ⁴ Неудивительно, что рекламная акция: «впервые о проститутках публично заговорит “мать семейства”» имела громадный успех. В.В. Розанов в своем критическом разборе лекции отметил, что выступление Лухмановой в Соляном Городке собрало «такое множество слушателей, что было трудно сидеть, нечем дышать». ⁵ Скандальная тема обеспечила неплохой доход. Сборы пошли на благотворительность: по сообщению «Петербургской газеты» (1903, № 280, 3 дек.), прибыль с лекции в Соляном городке поступила в пользу Российского общества защиты женщин. В пользу филиала этого же общества Лухманова прочитала лекцию в Харькове («Южный край», 1903, № 7917, 21 нояб.).

Особую пикантность ситуации придавала личность лектора. Назидательность и дидактичность художественных произведений и публицистики Лухмановой создали в общественном сознании образ «пожилой институтки» – наивной и неумелой «морализаторши», без устали поучающей читателей. Литературная репутация Лухмановой на первый взгляд не должна была ограничиваться лишь портретом строгой моралистки, ведь помимо авторских работ она была известна современникам своими переводами французских фарсов. А поскольку при перекраивании фарсов на русский лад копия подчас имела мало общего с оригиналом, зрители и критики, забыв об истинном авторе, возлагали всю ответственность за «моральный облик» ⁶ пьес на переводчика. Но даже эту смелую деятельность в основном воспринимали как порчу материала лицемерной святошей. В общественном сознании Лухманова представляла как носитель асексуального женского образа, это повлияло и на оценку ее лекции о проституции. Имидж «пожилой институтки» ⁷ во многом определил тон критических отзывов: морализаторская маска накрепко приросла к лицу писательницы и многие рецензенты отзывались о лекции, даже не удостоив ее посещением (например, В.Г. Короленко и А.В. Амфитеатров откровенно признавались, что не присутствовали на выступлениях). Лухманову обвиняли в некомпетентности, невнимании к социально-экономической стороне вопроса, легкомысленности (она подошла к проблеме несерьезно – «по-женски»), а главное... в ненависти к проституткам. Критики были уверены: столь «добродетельная» дама способна лишь клеймить порок. В результате, лекция «Проституция и отношение к ней общества» (1903) оказалась одной из самых обсуждаемых и при этом неслышанных. Найденный в архиве конспект лекции дает возможность оценить эту работу менее предвзято. Как уже говорилось выше,

некоторые комментаторы высказывали свое мнение на основании газетных отзывов. Мы попробуем последовать их примеру.

Сначала узнаем: «Что говорят?», а потом выясним: «Что же было на лекции?».

«...и отношение к ней общества»

Публицистика Лухмановой была излюбленным объектом насмешек: изредка это была критика на равных, временами – откровенная издевка, и почти всегда – попытка указать женщине на ее место. Неудивительно, что ее публичное выступление на столь скандальную тему взбудоражило общественность. В газете «Харьковский листок» (1903) журналист А. Северов обвинил Лухманову в непростительно поверхностном освещении вопроса. Он отметил, что с «чисто фельетонной легкостью и непринужденностью»⁸ писательница говорила о многом, но умудрилась не высказать «ни одной свежей мысли»,⁹ сведя выступление к бездумному «пережевыванию старых газетных статей».¹⁰ Низкое качество выступления журналист посчитал закономерным: чтение лекции женщиной – заведомо несерьезное мероприятие.

Священник Иоанн Филевский,¹¹ посетивший харьковское выступление Лухмановой, сетовал на то, что столь важный вопрос был рассмотрен «поспешно, торопливо, под одним углом зрения».¹² Священник упрекнул писательницу в излишней пессимистичности: вскрыв одну из «сокровенных ран общественной жизни»,¹³ она не смогла предложить рецепта исцеления и поселила тем самым в душах слушателей «мятеж и мучение».¹⁴ Причина легковесности лекции, на его взгляд, крылась в том, что Лухманова обошла вниманием главное, а именно «христианство, Евангелие, церковь».¹⁵ По его мнению, подобный подход свойственен отечественной публицистике в целом: если в художественной литературе к Евангелию обращались неоднократно, то в периодической печати христианская составляющая осталась незамеченной. В завершении статьи Иоанн Филевский упрекнул организаторов лекции в педалировании скандальности темы: на программках были изображены обнаженные женщины, над которыми вилось «символическое насекомое» с острым «жалом греха».¹⁶ И в результате, серьезное мероприятие превратилось в фарс.

В.В. Розанов в декабрьском номере «Нового пути» сетовал на некомпетентность Лухмановой, иронично отметив, что слушатели, особенно мужская часть аудитории, были знакомы с заявленной темой «гораздо лучше, нежели сама лекторша».¹⁷ Причину успеха мероприятия он усмотрел

в пикантности ситуации: о «делах полусвета и даже кромешной тьмы»¹⁸ впервые публично заговорила дама. Но ничего существенного она сказать не могла: откуда благонравной матроне знать о жизни проституток? По мнению Розанова, для Лухмановой проституция вовсе не социальное явление, а «литературная»¹⁹ тема. Беспочвенному теоретизированию престарелой «институтки» он противопоставил деятельность врача М. И. Покровской,²⁰ знающей проблему «в лицо», т.к. по долгу службы она оказывала медицинскую помощь беднейшим слоям общества.

Розанов так же, как и другие комментаторы, поддавливает Лухманову на банальностях и повторениях «ходячих ошибок».²¹ В целом, эта лекция стала для него очередным поводом высказаться о роли половой жизни в христианском мировоззрении: в «плачах о нравственности»²² и берет начало проституция. В основе «хлева» (проституции) Розанов усмотрел «идею “свиньи”»²³ (отношения к половому вопросу). Пренебрежение к половой жизни («это – как швейная машина, не больше ему цена»),²⁴ отношение к ней как к нечистому и порочному явлению («это – нечистота и грязь, свиное во мне»)²⁵ дали «огромную отрицательную величину»²⁶ и привели к продаже и употреблению тела «распивочно и на вынос».²⁷

Самым известным отзывом на выступление стала статья В. Г. Короленко «Соня Мармеладова на лекции г-жи Лухмановой».²⁸ Писатель черпал сведения из заметки в житомирской газете «Волынь», где был дан беглый обзор лекции и опубликовано печатное возражение одной из слушательниц. Журналисты «Волыни» не жалели красок: якобы, в течение нескольких часов Лухманова исступленно громила порок, не стесняясь в выражениях. Короленко настолько доверился печатному слову, что в свою очередь также создал парадный портрет бессердечной добродетели – воинственную моралистку, обзывающую проституток «“тварями”, “животными” и тому подобными милыми словечками».²⁹ Публицист с горечью отметил: по-видимому, писательнице не знакомо «скорбно-негодующее заступничество Успенских, Достоевских, Толстых».³⁰ Более того, если бы в евангельском суде Христа над блудницей среди присутствующих была бы хоть одна «г-жа Лухманова», то едва ли предложение «“первому бросить камень”» осталось бы без соответствующего отклика».³¹

Ханжеским поучениям Лухмановой Короленко противопоставил «реальную историю» проститутки, не побоявшейся возразить известной писательнице, и процитировал письмо девушки, опубликованное в «Волыни». Текст письма таков: *«Облегчая свое сердце, переполненное горечью несправедливых укоров по поводу нас, несчастных женщин, попрошу выслушать мою исповедь – защиту от того клейма, которое публично в своей лекции*

г-жа Лухманова накладывает, без разбора, на всех женщин, не устоявших в борьбе за свою жизнь и брошенных в проституцию, или иначе принужденных продавать свое тело. Судьба моя не сложна и я могу рассказать ее вкратце. Я дочь слесаря, работавшего в одной из мастерских Харькова за 80 коп. в сутки. Я была старшей в семье, а после меня 2 брата и 2 сестры. Мать умерла, когда мне было 13 лет; после этого отец отправился в Севастополь в надежде получить более выгодный заработок, и вот уже 6 лет, как о нем нет никаких вестей; умер ли он или жив – не знаю. Эти шесть лет я выстрадала: голод, холод и самую отчаянную нужду. Чтобы не умерли с голоду мои сестренки и братья, еще малые, я поступила на табачную фабрику, где мне за день работы с 6 утра до 6 вечера, платят 25 коп., и я в месяц зарабатывала до 7 рублей, если нет только праздников, и эти деньги покрывали наши нужды. Но пять человек, которым надо одеться, кормиться и жить под крышей в какой-либо конуре, как ни ухитрились, как ни старались привыкнуть меньше есть, штопать дыры и прорехи, и греться, где только возможно – не могли долго вынести. Я, видя и слыша плач своих братишек, билась во всю мочь, напрягая свои силенки. Придя с фабрики, носила соседям воду из колодца за 50 коп. в месяц, мыла белье, если попадалась такая работа, но изнемогала совсем. По совету добрых участливых людей ходила в разные харьковские общества помощи нуждающимся. Просила какого-нибудь места, как немного грамотная, служить хотела, но везде неудача: то обещали, то жалели, что нет у меня аттестата и т. п., а нужда добивала жизни моих бедных сестер и братьев. Что делать? Я теряла голову. Надежд никаких. Читала я когда-то, еще в школе, что блажен тот человек, который жизнь отдаст за ближнего или друга своего...».³²

На этом Короленко прекращает цитировать письмо и бегло пересказывает дальнейшую судьбу девушки: в отчаянии она вышла на улицу и отдалась первому встречному. После этого случая «прогулки на улицу» повторялись каждый вечер. Но несмотря на весь ужас сложившегося положения, ей удалось спасти братьев и сестер от голода и помочь им получить образование.

Исповедь девушки напомнила Короленко историю Сони Мармеладовой, и, проникшись состраданием, он жестоко отчитал Лухманову. Письмо настолько ослепило публициста, что он совершенно не обратил внимания на источник информации. Дело в том, что в «Вольни» заметка была опубликована в рубрике «Свет и тени русской жизни», посвященной обзору и анализу наиболее полемических статей, размещенных в других изданиях. Статья о лекции в Харькове, была опубликована на страницах газеты «Дон-

ская речь»³³ (с этой заметкой Короленко, скорее всего, не был знаком) и перепечатана в «Вольни» практически полностью, но без указания авторства. Автор оригинальной статьи П.Я. Ковлев представил лекцию Лухмановой настоящим пиршеством фарисейства и ограниченности. Не скрывая своего негативного отношения к писательнице, он сразу же заявил: эта циничная ханжа, «известная всей России порнографистка»,³⁴ задалась утопической целью – «искоренить» проституцию.³⁵ «Добродетельная дама», видимо устав от переводов пошлых французских фарсов, начала колесить по стране вдоль и поперек, клеймя «несчастливых жриц любви».³⁶ Слушатели этого фарисейского благолепия изображены под стать лекторше: раздушенные светские дамы и холеные мужчины, в унисон с Лухмановой твердящие: «ужасно, ужасно! До чего дошло!».³⁷ Были на лекции и проститутки, пожелавшие узнать, «что говорят о них “умные люди”».³⁸ Среди этих страдальцев оказалась несчастная девушка, решившаяся ответить на оскорбления. Правда, журналист не открыл ни ее имени, ни названия газеты, в которую «пришло» письмо,³⁹ а литературность исповеди «дочери слесаря» дает повод усомниться в реальности героини. Письмо подтолкнуло автора к рассуждениям о стремительно снижающемся возрасте проституток, об обязательном «побочном доходе» некоторых фабричных работниц (например, в Германии), о необходимости женского образования. В итоге журналист, напрочь забыв о психологической и физиологической стороне явления, пришел к выводу, что причина проституции одна – нищета. Его рецепт общественного оздоровления был наивен и прост: «Не будет нищеты – проституция исчезнет сама собой».⁴⁰

Статья Короленко затмила собой источник настолько, что А.В. Амфитеатров, рассуждая о письме «Сонечки», представлял ситуацию уже как «житомирское» происшествие. Он опубликовал статью на страницах газеты «Русь» под псевдонимом Абадонна,⁴¹ а потом включил ее в сборник статей «Женское нестроение». В переиздании 1907 г., вышедшем после смерти Лухмановой, он убрал полемический финал статьи 1904 г., в котором рассуждал о справедливости общественного порицания писательницы: «Грязь, которую швыряла она в женщин беззащитных и безгласных пред обществом, осталась на руках ее, и, чтобы смыть эту прелесть, потребуются многие «ароматы обеих Индий». Это единственное мщение бесильного страдания, единственная самозащита беспомощно оскорбленных, у которых г-жи Лухмановы и Со пытаются отнять последнюю опору их: сострадание общественное».⁴² Публицист пришел к выводу, что лекция (на которой он также не присутствовал) представляла собой «квинтэссенцию надменного буржуазно-институтского «юрродства»».⁴³ Решение проблемы

Амфитеатров видел не в бичевании пороков с трибун, а в изменении условий труда представителям рабочего класса.

Не «Сонечка»

Так о чем же говорилось в лекции?

Лухманова начала выступление с краткого экскурса в историю вопроса и постепенно перешла к обзору газетных статей. Она сразу же заявила, что основной задачей выступления является вовсе не «уничтожение проституции»,⁴⁴ да и это, по ее мнению, невозможно, а освещение настоящего положения дел, возможные прогнозы дальнейшего развития явления и поиск способов социальной защиты женщин, вовлеченных в эту индустрию. Лухманова обратила особое внимание на то, что общественного порицания и наказания заслуживают не жертвы – проститутки, а эксплуататоры – люди, «захватившие в свои руки монополию торговли женским телом».⁴⁵ Отметив неоднородность явления – разделение проституции на нищенскую и аристократическую, писательница выступила в пользу наименее защищенных: ниспущены до уровня вещи те девушки и женщины, которых на эту дорогу толкает нищета и невозможность иного заработка. На таких женщин полиция устраивает облавы, как на бродячих собак, они трепещут перед каждым дворником и городовым, голодают, иногда не имеют крыши над головой. Другие же именуются на французский лад кокотками. Они «зарегламентированы общественным мнением»,⁴⁶ вхожи во многие дома, к их услугам лучшие экипажи и бриллианты, а многие мужчины не прочь козырнуть подобным знакомством. Лухманова назвала такой вид проституции наиболее опасным, т.к. именно он размывает границы морали, изменяя представления об успешной жизни и методах ее достижения. Писательница считала наиболее вероятным то, что на дорогу честной жизни вступит уличная женщина, находящаяся в тяжелых условиях, нежели кокотка, которую общественное мнение оправдывает и принимает.

Писательница особо отметила влияние смены наименования: проститутка, названная иначе, вроде бы и не является таковой. Наоборот, кокотка становится примером для подражания, «вершиной» самореализации в глазах многих женщин, для которых постыдной становится не торговля телом, а невозможность достигнуть уровня жизни «востребованной гетеры». Причину этого Лухманова видела в насаждении ложной эстетики «роскошной» жизни: подлинная женственность должна быть украшена бриллиантами и мехами. Насаждаемые модой атрибуты, символизирующие успешную жизнь, стали причиной появления эрзацев, необходимых для того, чтобы

дать беднякам «иллюзию той жизненной обстановки, которой пользуются богачи». ⁴⁷ «Дешевая роскошь» (фальшивые драгоценности, подделка под дорогие материалы) придала необеспеченной и малообразованной женщине «необыкновенный апломб». ⁴⁸ Иллюзорное богатство ослепило, в первую очередь, ее саму. Писательница жестко раскритиковала работу большинства благотворительных организаций: во многих приютах девочкам-сиротам прививалась «ложная мораль» – стремление к достижению подобного «успеха» любыми способами, что открывало перед воспитанницами прямой путь... «на улицу». Последствия увлечения подобными химерами писательница рассматривала неоднократно: в сборниках статей «Черты общественной жизни» (1898), «Вопросы и запросы жизни» (1904), лекциях «О положении незамужней дочери в семье» (1897), «Причина вечной распри между мужчиной и женщиной» (1901), «Недочеты жизни современной женщины» (1904), а также в различных газетных публикациях. ⁴⁹

Лухманова обратила внимание на то, что «литературная» проститутка в общественном восприятии почти полностью вытеснила проститутку реальную. В обыденной жизни чаще всего встречаются ленивые и слабовольные девицы, стремящаяся к веселью и легкой наживе, а бескорыстная «святая», неоднократно воспетая литературой, довольно редкое явление. Писательница предостерегает аудиторию: порок завоевывает «права гражданства», ⁵⁰ и литература, сцена, общественное мнение зачастую способствуют этому, выстраивая своеобразную мифологию, в которой кокетка становится «роковой женщиной», а уличная проститутка – героической страдальцей. Притом образ страдальцы, пожалуй, мешает реальной «Сонечке». Общество, разомлев от сострадания, вовсе не стремится помочь несчастным женщинам делом, а ограничивается разговорами о том, что подобное ремесло не постыдно, когда спровоцировано крайней нуждой.

Лухмановой не простили «нападения» на любимый образ – ее рассуждения о чрезмерно «литературном» отношении общества к проституткам и послужили причиной создания письма «Сони Мармеладовой». Восхищенные очевидной антитезой комментаторы, не посчитали нужным вслушиваться в текст доклада, в котором Лухманова говорила о «страдалицах», как о самой социально незащищенной группе: в литературе этот образ свят, а в реальности незаметен и ущемлен. Улицей владеет «ликующая проститутка», нагло цепляющая прохожих, а в «приличном» обществе царит кокетка. По мнению писательницы, бороться нужно вовсе не с жертвами нищеты и обмана, а с регламентированным пороком: необходимо указать кокетке на ее место, осадить «декадентскую полудевственницу» ⁵¹ и

перестать восхищаться женщиной, бравирующей успехом у многочисленных покровителей.

Примеры не литературного сострадания общества к «Сонечкам» Лухманова приводила неоднократно. Она писала о том, что зачастую даже убийство «рабыни веселья» легко сходило с рук. Например, в лекции «Причина вечной распри между мужчиной и женщиной» (1901) писательница привела в пример «обыденное убийство». В шато-кабаке Альказар загулявший купец застрелил проститутку: «нацелился в манекена, да вдруг увидел живое существо, такое же беззащитное, составляющее такую же принадлежность посетителей тира, как и куклы, расставленные для забавы подвыпивших гостей, и выстрелил в грудь молодой девушки». ⁵² И что же? Ни одна газета не встала на защиту погибшей, несмотря на то, что после ее смерти осталась одинокой беспомощная старуха-мать, а купец отделался церковным покаянием. А вот и другая история: землемер и крестьянин, не сумев договориться о цене вопроса, выбросили девушку из быстро мчавшейся пролетки на мостовую. Когда их задержали и обвинили в нанесении увечий, это привело их в искреннее недоумение: «Странно, что вы нас беспокоите! Ведь это только проститутка!». ⁵³

Лухманова подобно своим критикам рассуждала о «мужчинах-защитниках» и «женщинах-моралистках», но, с точки зрения писательницы, пострадавшей проститутке скорее поможет осуждающая ее женщина, нежели публично сочувствующий «жертвам общественного темперамента» мужчина. Лухманова с изрядной долей скептицизма взирала на потуги сыграть лестную роль «спасителя» заблудшей души. В показательной «защите» проституток-страдалиц писательница усматривала лицемерие и тщеславие: «послушать мужчин – так они первые друзья и защитники падшей женщины». ⁵⁴ Такое отношение напомнило ей крыловскую Лисицу (басня «Добрая лисица»), певшую жалостные песни осиротевшим птенцам: пела-пела, пока не съела.

Тайная проституция

В своем выступлении Лухманова обратила особое внимание на явление, которое назвала наиболее заманчивым типом проституции: проституцию тайную, обставленную “честной” историей, а потому соблазнительную. Чем более явлена, тем менее заметна – она настолько очевидна, что не схватывается сознанием. Как и с понятием “кокотка”, тут вступает в силу магия имени: названная иначе проституция, вроде бы таковой и не является. Нет ни позорящего женщину билета, ни тяжелой повинности сутенеру.

Есть работа, на первый взгляд, приличная и безобидная. Правда, эта деятельность была устроена таким образом, что у работниц практически не оставалось выбора. Невыносимые условия труда и мизерная оплата буквально подталкивали женщин к торговле своим телом. Оправдание было найти несложно: голод, нищета, страх потерять место, но после первого падения дорога становилась невыносимо скользкой.

В пример подобного трудоустройства Лухманова привела успешную одесскую кондитерскую: туда принимали только привлекательных девушек, с обязательными условиями изящного туалета, модной прически и любезного обслуживания покупателей. Рабочий день длился с 9 утра до 11 вечера, а оклад варьировался от 8 до 15 руб. в месяц. В итоге, для соответствия условиям работодателя был необходим дополнительный «ночной заработок», вытекавший из «любезного обращения» с клиентами. В следующем примере писательница процитировала условия договора с девушками-хористками: оклад 15 руб. в месяц, в случае болезни и простоя жалование не выплачивалось, проезд и питание за свой счет, 5 руб. в месяц требовалось на оплату костюмов, половину чаевых нужно было отдавать хозяину, а за малейшую провинность девушек штрафовали. О подобном положении вещей спустя 50 лет напишет и Симона де Бовуар: женщина зачастую «обречена вступать в любовные интрижки потому только, что ее зарплата минимальна, а тот жизненный стандарт, поддержание которого требует от нее общество, очень высок. Если она довольствуется тем, что зарабатывает сама, она неизбежно превращается в парию, из-за бедного жилища и плохой одежды она лишается всяких развлечений и даже любви <...> И так, она соглашается принимать помощь. На это и рассчитывает циничный работодатель, который платит ей нищенскую зарплату».⁵⁵

Лухманова отметила, что проституция со временем органично вписалась в повседневную жизнь, и привела своеобразную классификацию тайной проституции.⁵⁶ Мужчинам предлагались варианты «досуга» на любой вкус и кошелек: искателям попроще предлагалась «дешевизна и обжорка»,⁵⁷ «романтики» соблазнялись миражом случайного знакомства, домоседов ожидал «семейный» вариант с бифштексом и самоваром, а клиенты «с запросами» могли рассчитывать на знакомство с актрисой. В итоге, было выделено три основных направления услуг:

1) Женщины «с вывеской».⁵⁸ Их деятельность не вызывала сомнения. Работающие ночью нарочито подчеркивали свой род деятельности откровенным нарядом и фривольным поведением, а дневные проститутки максимально маскировались под обычных женщин – их можно было встретить в парках, на гуляниях, в магазинах.

2) «Публикующиеся» дамы и девицы. Обычно искали места экономок и помощниц по хозяйству в домах одиноких мужчин. Для некоторых подобная деятельность являлась способом поддержания семейного бюджета: они состояли в официальном браке и могли «помогать по дому» лишь в определенные часы. Расценки подобных услуг варьировались от 10 до 200 руб. в месяц.

3) «Дамское общество». Подобная услуга была популярна в ресторанах с отдельными комнатами. В театрах за определенную сумму капельднер мог поспособствовать свиданию с актрисой. Подобное сводничество было распространено и в магазинах, различных школах (кройки и шитья, танцевальных) и т.д.

Лухманову тревожила не только скорость распространения явления, но и его мимикрия под обыденность. По ее наблюдениям, спрос на подобные услуги настолько вырос, что «нет угла»,⁵⁹ где бы их нельзя было встретить. Одной из скрытых форм торговли собой писательница называла брачные объявления в газетах.⁶⁰ Причины появления эрзацев «семейной жизни» писательница усматривала в размывании границ между сутью явления и его проявлением. Институт брака полностью дискредитирован, следовательно, это понятие можно заполнять чем угодно, главное, соблюдать определенные формы. Лухманова чувствовала некую закономерность между фальшью стекляшек «бриллиантов Тэта», наводнивших магазины, и обесцениванием семейной жизни. Писательница провела параллель и с ускоряющейся коммерциализацией искусства: все большую популярность получали зрелища с элементами «реалити», в которых сенсационность преобладала над подлинностью. В сборнике «Вопросы и запросы жизни» (1904) она писала о стремительно увеличивающемся общественном поощрении внешней эффектности, нацеленности на скандал и коммерческий успех действия. Так, сенсацией стала опера «Кармен», в которой был показан настоящий бой с быком; аншлаг был на спектакле, анонсировавшим реальную помолвку двух актеров в финале представления; а пожилая пара, решившая «умереть в браке» и обвенчавшаяся в антракте оперы, принесла театральной кассе более двух тысяч долларов.

«Голубой цветок» правды жизни

Лухманова закончила лекцию патетическим призывом принести камушек «правды жизни» на «волшебную скалу счастья, на которой растет сказочный голубой цветок».⁶¹ Под «правдой жизни» она подразумевала отказ от бесплодного теоретизирования в пользу реальной помощи. В очеред-

ной раз отметив, что представление о «падшей» женщине сводится к набору клише, писательница попросила слушателей отказаться от литературных миражей и увидеть в «Сонечке» страдалицу не литературную, а реальную.

Главным препятствием при бегстве «с тротуара», помимо экономической стороны вопроса, Лухманова назвала психологический барьер: женщина, увязшая в этом ремесле, зачастую ставит на себе крест, а общественное порицание лишь способствует этому. Над дверями публичного дома словно сияет надпись «оставь надежду навсегда».⁶² Писательница привела в пример историю женщины, тихой труженицы, с позором изгнанной из рядов сестер милосердия, стоило лишь узнать о ее бесславном прошлом. И хотя ни символика Красного Креста, ни покупка швейных машинок, ни женитьба по убеждению не могли стать панацеей, и в 90 % случаев женщина возвращалась «на тротуар», за 10 % спасенных Лухманова призывала бороться. Бывшая проститутка заслуживает не «черной метки», а чистого паспорта и помощи с трудоустройством.

В качестве удачного примера спасения «заблудших душ» Лухманова привела историю «дома трудолюбия»,⁶³ созданного по инициативе бывшей сестры милосердия. В приюте собрались женщины, выброшенные из общественной жизни: девочки, изнасилованные родственниками, умственно отсталая, которую родные готовы были «выбросить хоть на съедение зверям»,⁶⁴ ученица швейной мастерской, раненая хозяйкой в порыве бешенства, девушка, вырвавшаяся из дома терпимости, подкидыши и старая сестра милосердия, оказавшаяся на улице за непригодностью. В художественных произведениях каждая из этих отверженных заслужила бы искреннее сочувствие читателей, но в реальности их лишь брезгливо сторонились. Обитательницы «дома трудолюбия» планировали получить образование и перепрофилировать заведение в больницу для детей-сифилитиков, т.к. в единственной городской больнице,⁶⁵ практикующей лечение сифилиса, на 420 мест отводилось только 10 детских. Лухманова горячо приветствовала подобное начинание и предлагала увеличить число подобных «домов милосердия», но не за счет благотворительности, а с помощью налогового сбора с посетителей и хозяев публичных домов. В конспекте лекции она писала: «Я смотрю на содержание домов милосердия как на общественную повинность. Раз они созданы для того, чтобы спасти девушек, которые становятся жертвами “общественного” разврата, то, как протест этому, именно с этих же посетителей домов должна сниматься известная сумма, как бы ни была она мала, на содержание домов милосердия и больниц для проституток. Вот, что должно подлежать регламентации, – это верный отчет о количестве посетителей каждого притона и соответственно этому,

взимание известной суммы с содержателей его. Это был бы совершенно справедливый налог, и притом, налог, который прямым путем пошел бы на спасение тех, для кого предназначен». ⁶⁶

Как можно увидеть из конспекта лекции, оскорбительный или пренебрежительный тон в отношении женщин, вынужденных заниматься проституцией, не характерен для выступления Лухмановой. ⁶⁷ Лухманова не метала «громы и молнии» на головы несчастных, наоборот, она отмечала, что основная проблема заключается не в проститутках – они лишь орудие – проблема в пренебрежении к женской сексуальности, презрении к женскому труду и намеренной «слепоте» мужчин к собственной безнравственности. Лекция не содержала в себе «социальных лекарств» и неожиданных откровений, но Лухманова и не стремилась к этому. Ее выступление представляло собой общественный жест: обсуждение проституции больше не должно быть запретной темой для женщин. ⁶⁸ Писательница в очередной раз стремилась объединить женское сообщество, позволить женщинам рассуждать о социальных проблемах, непосредственно их касающихся.

Отзывы на лекцию Лухмановой в очередной раз продемонстрировали, с какой легкостью пишущая или публично выступающая женщина маркировалась в терминах патриархатного дискурса начала 20 века. Какая женщина станет публично говорить о проституции? Ханжа и моралистка. Как она будет говорить? Клеймить позором. Противопоставление благочестивой матроны падшей страдальице было настолько очевидным и соблазнительным приемом, что редкий комментатор удержался от него, а создание «Сонечки», робко возразившей упивающейся своей добродетелью даме, стало апофеозом столкновения этих полярных образов. В результате, лекция женщины, размышляющей о сложности и неоднозначности феномена проституции, оказалась представлена в российской публицистике как некритическое воспроизводство стереотипных представлений обывательского патриархатного сознания.

¹ *Крымский курьер*, 1904, № 106, 12 мая.

² Лухманова затрагивала этот вопрос в сборниках «Черты общественной жизни» (1898), «Вопросы и запросы жизни» (1904), в лекции «Причина вечной распри между мужчиной и женщиной» (1901), в статьях «Ликующая проституция» (1903), «Преступление общества» (1903), «Из женской жизни» (1903), «Женская жизнь и женский вопрос» (1903) и др.

- ³ Лухманова Н.А. «Проституция и отношение к ней общества» (РО ИРЛИ, ф. 71, д. 93), л. 78.
- ⁴ Темкина А.А. «К вопросу о женском удовольствии: сексуальность и идентичность». *Мишель Фуко и Россия. Сборник статей* (СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001), с. 325.
- ⁵ Розанов В.В. Г-жа Лухманова о проституции. *Новый путь*. (СПб., декабрь, 1903).
- ⁶ Скандальную славу получили переведенные Н.А. Лухмановой фарсы «Нож моей жены» (по пьесе Эрнеста Блюма и Рауля Тоше «Madame Montgodin») и «Ночь г-жи Монтессон» (по пьесе Эрнеста Блюма и Рауля Тоше «Le Parfum»).
- ⁷ Саркастический образ «пожилой институтки», словно объединивший антисексуальность девственницы с асексуальностью старой девы, подчеркивал некомпетентность лектора в заявленном вопросе.
- ⁸ Северов А. «Лекция Н.А. Лухмановой» (*Харьковский листок*, 1903, № 1260, 21 нояб.).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Иоанн Иоаннович Филевский (1865–1925) – протоиерей, профессор Харьковского университета, духовный публицист, историк Церкви, сторонник обновленчества
- ¹² Священник Иоанн Филевский. «Неуверенность или только упрек?» (*Харьковские ведомости*, 1903, № 306, 25 нояб.).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Розанов В.В. «Г-жа Лухманова о проституции». *Новый путь*. (СПб., декабрь, 1903), с. 123.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.

- ²⁰ Мария Ивановна Покровская (1852–1927) – врач, публицист, участница феминистского движения в России. Стоит отметить, что в своем выступлении на Первом Всероссийском женском съезде в 1908 г. Покровская повторила многие идеи Лухмановой.
- ²¹ Одним из наиболее распространенных заблуждений Розанов считает смешение «священной проституции» древних и проституции современной. В «священной проституции» он видит «зарю» религиозного брака, противопоставление хаосу не урегулированных отношений. Розанов религиозному браку противопоставляет брак гражданский, отсутствие религиозного чувства в котором возвращает человека к «до-религиозной, до-исторической физиологической форме» (Розанов В.В. «Г-жа Лухманова о проституции». *Новый путь* (СПб., декабрь, 1903), с. 124).
- ²² Там же, с. 127.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Короленко В.Г. «Соня Мармеладова на лекции г-жи Лухмановой». *Русское богатство* (СПб., 1904, № 6), с. 253–257.
- ²⁹ Там же, с. 254.
- ³⁰ Там же, с. 256.
- ³¹ Там же, с. 254.
- ³² Там же, с. 255. В таком же виде – оборванное на пике повествования – письмо было приведено в «Вольни» (1904, № 43, 22 мая) и в «Донской речи» (1904, № 128, 16 мая).
- ³³ Ковлев П.Я. «Наболевший вопрос» (*Донская речь*, 1904, № 128, 16 мая).
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.

- ³⁸ Там же.
- ³⁹ П.Я. Ковлев пишет о харьковской истории так: «Приехала г-жа Лухманова со своей лекцией. <...> На другой день в редакцию газеты, в которой я сотрудничал, получилось письмо». Далее приводится текст письма (там же).
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Масанов И.Ф. *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*: В 4 тт. Т. 1. (М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1956), с. 84
- ⁴² Абадонна. «Отклики» (Русь, 1904, № 204, 4 июл.).
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Лухманова Н.А. «Проституция и отношение к ней общества» (РО ИРЛИ, ф. 571, д. 93), л. 81.
- ⁴⁵ Там же, л. 81 (оборот).
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Лухманова Н.А. Черты общественной жизни (СПб.: Изд-во М.В. Попова, 1898), с. 98.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Например, в статье «Чулки» (*Петербургская газета*, 1903, № 279) Лухманова на примере простого предмета одежды рисует «восходящую линию женского благосостояния», превратившую горничную в проститутку. Писательница отмечает, что для многих женщин «чулки от грубых нитяных до ажурно-шелковых» становятся «этапами жизни», и передает историю молодой горничной через изменения ее гардероба. Толстые шерстяные чулки сменились на черные шелковые, подаренные «знакомым барином», а к ним прибавились и перчатки, и лаковые башмачки с французским каблуком. Через три года крошечная каморка девушки была забита цветами и фотографиями «знакомых», а день она не могла закончить без хозяйских вин. В итоге она получила расчет и оказалась... в публичном доме. Что же послужило причиной метаморфозы: голод или лень? – спрашивает Лухманова. И отвечает: поиск «легких путей» к «роскошной» жизни. Писательница также обвиняет мужчин, которые в погоне за «свежим товаром» разжигают в простых девушках подобные фантазии. (Подробнее см.: Левицкая Т.В. «Женский вопрос» в освещении Н.А. Лухмановой». *Вестник Московского университета, № 3. Серия 9: филология* (М.: Издательский дом МГУ, 2019), с. 134 – 144).

- ⁵⁰ Лухманова Н.А. «Проституция и отношение к ней общества» (РО ИРЛИ, ф. 571, д. 93), л. 81.
- ⁵¹ Там же, л. 99 (оборот).
- ⁵² Лухманова Н.А. Причина вечной распри между мужчиной и женщиной (М.: Изд-во Е. и А. Мансфельд, 1901), с. 75.
- ⁵³ Лухманова Н.А. «Преступление общества» (*Биржевые ведомости*, 1903, № 425, 28 авг.).
- ⁵⁴ Лухманова Н.А. «Проституция и отношение к ней общества» (РО ИРЛИ, ф. 571, д. 93), л. 81.
- ⁵⁵ Бовуар Симона де. Второй пол. (СПб.: «Азбука», 2017), с. 863.
- ⁵⁶ В своем обзоре Лухманова ориентировалась на статью фельетониста С.С. Гусева, пишущего под псевдонимом Слово-Глаголь. Настоящее имя: Гусев Сергей Сергеевич (1854–1922) – фельетонист, прозаик, журналист (Масанов И.Ф. *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*. В 4. тт. Т. 3. (М.: Изд-во всесоюз. книжной палаты, 1958), с. 120).
- ⁵⁷ Лухманова Н.А. «Проституция и отношение к ней общества» (РО ИРЛИ, ф. 571, д. 93), л. 85.
- ⁵⁸ Там же, л. 84.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ В статье «Брак нечестен и ложе скверно» (*Биржевые ведомости*, 1903, № 34, 20 янв.) журналист С. Соломин поднял вопрос легитимности брака по расчету: насколько церковь вправе освящать союзы, по всей вероятности, построенные на торгово-денежных отношениях. Основной мишенью его критики стали «альфонсы»: если решимость юных дев вступить в брак по расчету автор оправдал неопытностью и желанием обрести самостоятельность, то к мужчинам, «предающим» свое мужское начало, он был непреклонен. Паразитирующая природа явления выглядела на мужском примере нагляднее, т.к. в данной расстановке сил разрушался глубоко укорененный в общественном сознании образ добытчика. Соломин назвал альфонса человеком, стоящим ниже проститутки: «Женщина закрывает глаза и отдается во власть зверя. Мужчина подражает сознательно гнусности павиана». Продолжая свои размышления, он приходит к выводу, «развратник, убийца, насильник не внушают нам такого отвращения как альфонс». В примерах негативного мужского поведения была подчеркнута агрессивная, доминирующая функция: тот, кто высказывает волю, пусть даже преступную, а в том, что мужчина «снизошел» до традиционно «женской» пассивности, автор усмотрел его духовное обнищание. Перемену ролей (сильная

женщина/ мужчина-приспособленец) он воспринял как вызов обществу и предательство мужского начала. По мнению Соломина, невозможен светлый образ альфонса – этот человек с навсегда «подмоченной» репутацией и искалеченной мужественностью не имеет права на духовное возрождение. Лухманова в статье «Отпорное чувство» (*Биржевые ведомости*, 1903, № 47, 27 янв.) возразила коллеге по перу, в подобной снисходительности к девушкам вновь усмотрев неравенство: играющий на чувствах и продающий свое тело человек должен осуждаться вне зависимости от пола. Позднее в статье «Кот (Знамение времени)» (*Санкт-Петербургские ведомости*, 1906, № 153, 13 июл.) «анонимными проститутками» обоих полов Лухманова назвала авторов газетных объявлений о знакомствах с целью поправки материального положения. Она привела в пример объявления: молодой человек, 22 лет, познакомится с пожилой дамой со средствами; красивый блондин 27 лет согласен на все при условии строжайшей тайны; юная блондинка ищет солидного покровителя и проч. Писательница упрекнула издателей в попытках заработать на «торговле телом» и отметила, что авторов подобных объявлений не мешало бы зарегистрировать как проститутков. Особое внимание Лухманова уделила мужчинам, промышленяющим подобными способами обогащения. Интересно отметить, что она, в отличие от автора-мужчины, не называла их «альфонсами» и не ставила под сомнение их маскулинность. Для Лухмановой подобные персонажи представляли собой агрессивный хищнический тип подобный сутенеру, что вынесено в название статьи «Кот» (в смысле сутенер). По мнению писательницы, «кот», прежде тянувший деньги из проститутков, посягнул теперь на роль светского человека. Расстановка сил при этом не изменилась: мужчина, даже находясь в экономической зависимости от женщины, все равно доминирует в союзе.

- ⁶¹ Лухманова Н.А. «Проституция и отношение к ней общества» (РО ИРЛИ. Ф. 571, д. 93), л. 99
- ⁶² Там же, л. 96 (оборот).
- ⁶³ Там же, л. 97.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Калининскую больницу упоминал в своей критической статье и А.В. Амфитеатров, приводя статистические данные о проститутках (Абадонна. «Отклики» (*Русь*, 1904, № 204, 4 июл.)).
- ⁶⁶ Лухманова Н.А. «Проституция и отношение к ней общества» (РО ИРЛИ, ф. 571, д. 93), л. 96 (оборот).
- ⁶⁷ Стоит отметить, что рецензенты, присутствовавшие на лекциях (В.В. Розанов, Иоанн Филевский), не упоминали о ругани с трибун – это в очередной раз подтверждает теорию о журналистской выдумке.

⁶⁸ «Уже одно то, что мы собрались разбирать такой вопрос, как проституция, в аудитории, привыкшей слышать и ученые рефераты, и аскетические речи о. Михаила; уже одно то, что на кафедре стоит женщина общества, мать семейства, и не боится сделать предметом своих побуждений проституцию и дома терпимости, доказывает насколько умственно и нравственно выросли и освободились от ложного стыда и от предвзятого лицемерия. Мы обязаны разобраться в этом вопросе, именно мы, женщины, обязаны пытаться спасти падшую женщину, и цель этой лекции вызвать в ваших душах не слащавое сожаление, а ясное определенное понимание, что такое проститутка, как мы, честные женщины, обязаны к ней относиться, и что мы можем сделать для ее спасения» (Лухманова Н.А. «Проституция и отношение к ней общества» (РО ИРЛИ, ф. 571, д. 93), л. 78).